

***

Се Нин застыл, не находя слов.

«Лу Чуань сейчас лишь красиво поет, — холодно твердил ему разум, — а когда добьется славы и успеха, все сегодняшние обещания превратятся в пустой звук».

Прямолинейный Се Нин так и не научился изысканному красноречию столичных девиц и гээров, поэтому в своих мыслях выразился бы куда грубее. Однако сердце, глядя в искренние глаза мужчины, шептало, что перед ним человек, способный сдержать слово.

Се Нин не успел углубиться в раздумья — вернулся Се Мин, якобы закончивший свои дела. Как бы ни старались старшие дать молодым время наедине, приличия требовали не затягивать встречу, и Второй господин Се, рассчитав момент, поспешил к беседке.

— Ученый Лу, я вернулся! — Се Мин бросил на брата нарочито удивленный взгляд, словно плохой актер, старающийся, чтобы никто не усомнился в его игре. — Ох, и Нин-гээр здесь!

Младший брат едва сдержался, чтобы не закатить глаза. С таким актерским талантом оставалось лишь гадать, как Се Мину удалось дослужиться до должности командующего.

Раз посредник вернулся, значит, скоро должны были появиться и слуги. Прерванная тема разговора была слишком личной, и Се Нин не собирался к ней возвращаться — мысли его и без того пребывали в полнейшем смятении.

Предчувствие его не обмануло: вскоре показались Бай Юй и Хэ Хуа, каждый с вещами в руках. Поклонившись господам, Бай Юй доложил:

— Второй господин, молодой господин собирался навестить матушку, но вспомнил, что забыл подарок. Мы ходили за вещами и немного задержали его.

Се Мин усмехнулся:

— Раз задержали, так поторапливайтесь.

Се Нин понял, что брат дает ему повод уйти. Юноше и самому не терпелось сбежать: этот Лу Чуань оказался слишком опасным — всего одна встреча, а от душевного равновесия не осталось и следа.

— Брат, тогда я пойду к матушке, — бросил он Се Мину, а затем, отвесив Лу Чуаню короткий поклон, поспешно удалился в сопровождении слуг.

Лу Чуань провожал его взглядом. Он заметил растерянность Се Нина и понимал, что его признание вызвало у юноши настоящий шок. Теперь тому требовалось время, чтобы всё обдумать в тишине.

Он также догадывался, что Се Нин вряд ли поверил ему до конца. Но это не пугало Лу Чуаня — впереди была целая жизнь, и он делом докажет, что каждое его слово сегодня было чистой правдой.

Когда он вернулся в главный зал, все формальности уже были завершены. Казалось, домочадцы только и ждали его появления. Вскоре сваха Ван, обменявшись с хозяевами любезностями, забрала старосту и Лу Чуаня, и они откланялись.

За всё время визита староста деревни не проронил почти ни слова. Впрочем, его пригласили лишь для того, чтобы представлять старшее поколение со стороны жениха, так что от него ничего и не требовалось. Но стоило им пересечь порог поместья, как старик облегченно выдохнул, и его напряженное тело наконец расслабилось.

Будучи деревенским старостой, самым важным человеком, которого он когда-либо видел, был начальник городка. Откуда ему было знать, как вести себя в таких палатах? Что там хоу Юннин — даже Се Мин казался ему великим сановником. Рядом с маркизом авторитет начальника городка таял, как первый снег. Хорошо еще, что говорить не пришлось, иначе дрожащий голос выдал бы фальшивое спокойствие с головой.

Дядя Чэнь покровительственно похлопал юношу по плечу, глядя на него с нескрываемым сочувствием:

— Эх, паренек Чуань... С таким-то тестем, как хоу Юннин, тебе придется несладко. Привыкай потихоньку!

Хотя староста весь визит провел в полубморочном состоянии, он всё же заметил, как хоу смотрел на будущего зятя. В этом взгляде читалась неприязнь к нищему ученому, который вознамерился увести из дома его любимое чадо. И хотя Лу Чуань действительно был небогат, а Се Нина он и впрямь собирался забрать, такая постановка вопроса забавляла.

Молодой человек лишь беспомощно улыбнулся. Говорят, отношения между свекровью и невесткой — задача неразрешимая, но и между тестем и зятем страсти кипят не меньшие.

«Наверное, когда маркиз увидит, что его сын счастлив, его отношение изменится... — он на мгновение задумался. — Наверное?»

***

Свадебные обряды Великой Ань были заметно упрощены по сравнению с прошлыми эпохами. Из множества церемоний остались лишь три важнейших этапа: нацай — сватовство, начжэн — помолвка с поднесением даров и циньин — встреча невесты и само торжество.

Сегодня был завершен первый этап. Следом сваха Ван должна была доставить в поместье хоу свадебные дары, приготовленные Лу Чуанем, чтобы завершить обряд начжэн.

После помолвки наконец была назначена дата свадьбы — двадцать первый день одиннадцатого месяца.

Поначалу Лу Чуаню показалось, что это слишком нескоро, но сваха быстро просветила его: по столичным меркам это почти спешка. В знатных семьях от предложения до свадьбы обычно проходит около года, и даже в самых срочных случаях на подготовку закладывают не меньше полугодом. Для такого дома, как поместье хоу Юннин, два с небольшим месяца на всё про всё — срок неслыханно короткий.

Благо матушка Се начала готовить приданое сына, когда тому исполнилось пятнадцать. За три года было собрано почти всё необходимое, оставалось лишь заменить некоторые вещи, вышедшие из моды.

Сам хоу Юннин, конечно, настаивал, что свадьбу нужно играть как можно позже. Но за подобные речи он тут же получил нагоняй от супруги. Столичные девицы и гээр обычно сговаривались в тринадцать-четырнадцать лет, чтобы к шестнадцати-семнадцати выйти замуж. Се Нину же исполнилось восемнадцать — по местным меркам возраст почти критический. Чтобы сын не перешагнул девятнадцатилетний порог, оставаясь неженатым, мать Се выбрала ближайший благоприятный день, желая справить свадьбу до наступления Нового года.

Выслушав объяснения, Лу Чуань перестал жаловаться и мысленно похвалил мудрое решение тещи.

Кстати, у семьи маркиза было еще одно условие: после свадьбы молодые должны были жить в городе. Разумеется, они не требовали этого просто так. Семья Се объявила, что в приданое сыну будет отдана усадьба с тремя дворами, расположенная всего через улицу от поместья хоу — чтобы Се Нин мог навещать родителей в любое время.

Когда Се Мин озвучивал это условие, он опасливо косился на собеседника, боясь, что тот сочтет это за оскорбление своего достоинства и в гневе откажется. Но Лу Чуань не обладал столь болезненным самолюбием. Роль человека, живущего за счет супруга, он принимал с полным спокойствием. Более того, глядя на изнеженного Се Нина, он и сам не желал, чтобы тот страдал от тягот сельской жизни.

Однако, несмотря на это, свадьба всё равно должна была состояться в родовом гнезде, иначе

злые языки могли бы обвинить его в том, что он ушел в семью жены на правах примака. По обычаю им следовало прожить в старом доме три дня после торжества, и только после ритуального визита к родителям Се Нина они могли перебраться в городскую усадьбу.

А значит, Лу Чуаню предстояло привести родовой дом в надлежащий вид.

Пустующее жилище ветшает быстро. Родителей не стало три года назад; с тех пор прежний хозяин тела, поглощенный учебой, заботился лишь о тех комнатах, где жил и ел. В остальные покои никто не заглядывал месяцами, и они порядком обветшали.

Староста Чэнь помог найти опытных каменщиков. Они заменили треснувшую черепицу на крыше и обновили дверные рамы и оконные переплеты, изъеденные точильщиком.

Работы предстояло немало, и Лу Чуань с головой ушел в хлопоты.

Говоря о ремонте, он вспомнил о том, что больше всего досаждало ему в местном быту — о примитивных уборных. Каждый раз, когда ему приходилось посещать это заведение, он делал это, буквально зажав нос. В первое время после пробуждения у него не было сил что-то менять, позже он устроился на работу в город и привык проводить там большую часть времени. Постепенно он даже начал привыкать к неудобствам и перестал помышлять о переделке.

Но скоро сюда должна была приехать его любовь. И пусть им предстояло прожить в деревне всего несколько дней, Лу Чуань не хотел, чтобы Се Нин терпел лишения. Пользуясь случаем, он решил обустроить в доме нормальный туалет.

Керамическое мастерство в Великой Ань достигло своего расцвета. Посуда и изделия из фарфора стоили вполне разумных денег, а в окрестностях столицы работало множество небольших печей для обжига.

По совету дяди Чэня Лу Чуань нашел мастерскую и заказал там фаянсовую чашу, смывной бачок и трубы. Мастера в жизни не видели ничего подобного, но за деньги заказчика готовы были воплотить в жизнь любую причуду. Заказ обошелся недешево — ученый выложил три лянна серебра, что составляло его заработок за полмесяца.

Кстати, о деньгах. После помолвки Лу Чуань отправился в чайный дом и уволился. Свадебные хлопоты отнимали всё время, и он решил оставить службу, о чем и сообщил управляющему Чжану. Не то чтобы он стал презирать свой скромный доход, породнившись с маркизом, вовсе нет — Лу Чуань всё еще ценил каждую монету. Просто он продолжал продавать сюжеты для книг, зарабатывая на этом по пятнадцать-двадцать ляннов в месяц.

Конечно, в будущем он мог бы жить на средства Се Нина, но натура мужчины не позволяла ему даже подумать о том, чтобы покупать подарки мужу на его же деньги. Да и ремонт дома, стоивший немалых трудов, Лу Чуань оплачивал из собственного кармана.

Когда трубы и чашу доставили, каменщик Ли еще не закончил работу. У него оставалось несколько мелких дел, и Лу Чуань, решив не искать новых людей, попросил его помочь с установкой. Мастера в те времена были на все руки — кто строил дома, тот понимал во всем понемгу.

Впрочем, мастер Ли долго не мог взять в толк, что именно затеял ученый, но послушно выполнял указания. Он с трудом выкопал глубокую яму в пристройке рядом с покоем Лу Чуаня и, присев отдохнуть, не выдержал:

— Ученый Лу, да зачем же вам это?

Лу Чуань, изучавший в этот момент, как лучше соединить трубы, ответил:

— Собираюсь устроить здесь уборную.

Каменщик Ли едва не выронил инструмент:

— Уборную?! Внутри дома?!

Лу Чуань кивнул:

— Именно так.

— Но ведь... вонь же будет нестерпимая!

В те времена уборные всегда строили во дворе, подальше от жилых помещений. В доме Лу она и вовсе располагалась рядом с хлевом. Глядя на потрясенное лицо мастера, юноша невольно усмехнулся:

— Это будет не совсем такая уборная, как ты думаешь. Дождись окончания работы — сам увидишь.

Ли не посмел спорить с нанимателем, но про себя подумал:

«Неужто ученый Лу совсем рассудок от книжек потерял? Кто же в здравом уме станет устраивать уборную прямо в доме?»

За исключением земляных работ, всю установку Лу Чуань проводил сам. Как-никак в прошлой жизни он был блестящим технарем и прекрасно разбирался в подобных вещах. Поскольку водопровода не существовало, он немного изменил конструкцию: вместо нажимного смыва сделал смыв с помощью цепочки, а трубы заменил на полые стебли бамбука. Теперь нужно

было лишь вручную наполнять большой бак водой. Стоки же уходили по желобу в отдаленный резервуар, который был переоборудован в подобие септика.

Когда работа была закончена, Лу Чуань окинул комнату взглядом. В старинном интерьере чаша и бачок смотрелись чужеродно, но он ощутил лишь прилив ностальгии. Наконец-то он сможет посещать туалет с комфортом!

Каменщик Ли нерешительно спросил:

— Ученый Лу... а можно мне попробовать?

Хозяин великодушно разрешил. Мастер, повторив движения Лу Чуаня, дернул за шнур. Послышался шум падающей воды, которая тут же унесла всё содержимое чаши в трубу. Только тогда Ли осознал, что затея ученого вовсе не была безумством. Ученые люди и впрямь видят мир иначе!

После завершения ремонта мастер наотрез отказался брать деньги за последние дни. Ли пришел на работу с двумя подмастерьями, но когда основные дела были закончены, отправил их по домам, и всю тяжелую работу в пристройке выполнял сам. Так что он счел себя вправе простить этот долг.

Лу Чуань удивился и спросил о причинах такой щедрости. Каменщик Ли хитро ухмыльнулся:

— Больно уж складная штука этот ваш смыв. Хочу себе в доме такой же устроить, вот и прошу вашего дозволения.

Лу Чуань лишь радушно махнул рукой:

— Ты видел, как я это ставил, так что действуй. Заказывай детали в той же мастерской, ты знаешь, где она.

Когда он только задумывал эту систему, он даже подумывал продать чертежи как бизнес-идею. Но люди в древности были отнюдь не глупы: стоило кому-то пронырливому разузнать в печи для обжига, что именно он заказывал, как секрет был бы раскрыт в мгновение ока. В эпоху Великой Ань делать деньги на подобных изобретениях было делом почти невозможным.